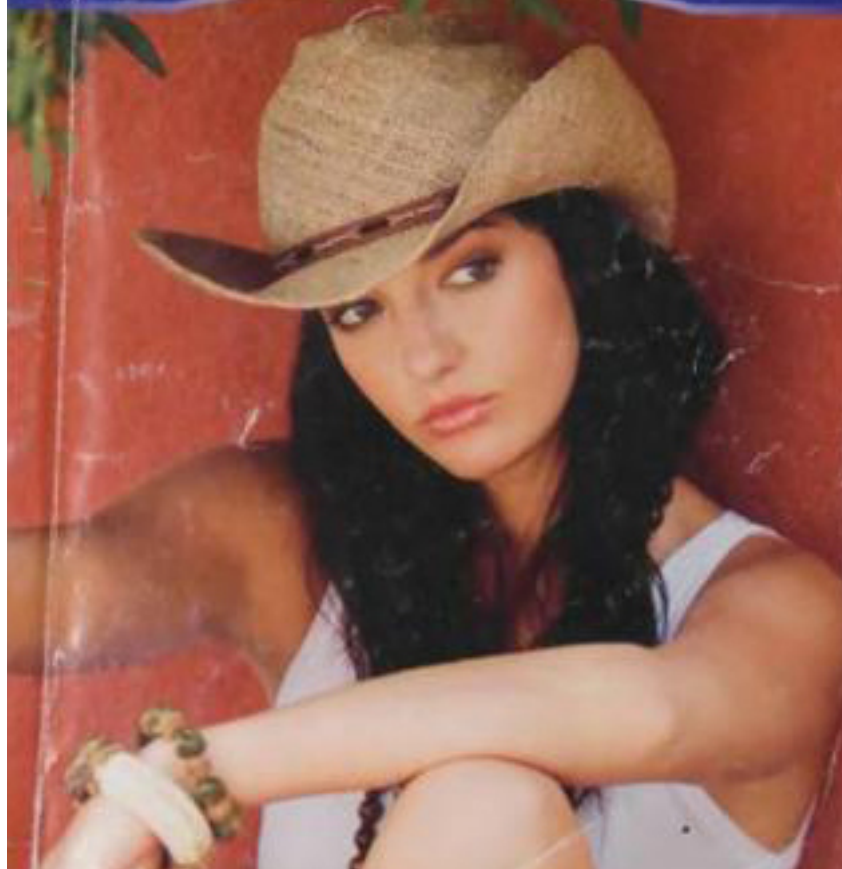

Айлин Деймонд
Двойная месть

Айлин Даймонд

Двойная месть

«Автор»

2016

Даймонд А.

Двойная месть / А. Даймонд — «Автор», 2016

ISBN 978-5-7024-2855-0

Что делать, когда твою любовь предали, когда горит жажда отмщения за обманутые надежды и утраченное счастье? Памела Кроу нашла правильный ответ. Но перед этим пришлось пройти по краю пропасти, сменить профессию, место жительства и вновь оказаться рядом с человеком, которого когда-то беспечно миновала...

ISBN 978-5-7024-2855-0

© Даймонд А., 2016

© Автор, 2016

Содержание

1	5
2	7
3	11
4	16
5	18
6	21
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Айлин Даймонд

Двойная месть

1

В уютной старой квартире на окраине маленького городка было тихо. Большое зеркало, криво висевшее на стене с потускневшей, полублестящей краской, отражало пустоту и мрак. Тишина, пустота и темнота, казалось, навсегда завладели квартирой, давно покинутой жильцами. Однако внезапно тяжелый вздох нарушил тишину, обнаружив обитаемость жилища. И лишь темнота все еще пыталась скрывать, что вздохнула женщина, лежавшая на полусломанном диване под дешевым вытертым пледом. Вздох раздался снова.

Все определяют последние минуты. Не дни, не часы, а минуты. Когда делаешь окончательный выбор, и судьба всей твоей жизни определяется тем, в какую сторону подтолкнет маятник. Еще все тихо и спокойно. Еще ничего не произошло. Но стоит лишь протянуть руку к лампе, зажечь свет – и тогда...

Тонкая нежная женская рука легла на кнопку выключателя настенной лампы. Нет. Страшно. Еще можно все остановить.

В вечерних сумерках раздался сдержанный стон, как от мучительной головной боли.

В конце концов, надо включить свет просто для того, чтобы узнать – который час. Может быть, уже поздно.

Указательный палец нажал на кнопку раньше, чем успела набежать очередная волна колебаний. Вспыхнувший свет заставил свеженанесенный лак на ногте заискриться разноцветными бликами, словно драгоценный камень. Маникюр сегодня получился необыкновенно удачно... Стоп.

Взгляд на часы. Да, черт возьми. Да, самое время. Еще полчаса, и будет поздно. И все останется по-прежнему. И кошмар тем же когтистым дьяволом будет являться каждую ночь и рвать душу до самого утра.

Ну почему я не заснула на эти полчаса? У меня было бы оправдание... То есть как хорошо, что я не заснула на эти полчаса. Теперь не осталось никаких оправданий. Это рука судьбы нажала на выключатель. Свет вспыхнул, время установлено, пора действовать.

Стройная женская фигура соскользнула с измятого ложа, на пол слетел потертый клетчатый плед. К потолку взметнулись красивые тонкие руки – в энергичном потягивании.

Теперь все правильно и хорошо. Конец сомнениям! Вот оно, мое оружие!

Резким нервным движением сброшено домашнее синее кимоно, а со спинки кресла исчез черный элегантный комбинезон. Размер подошел удивительно, словно весь этот год костюмчик только и дожидался своего клиента. Но зачем столько карманов? Так, а как застегивается эта штука? Надо было потренироваться... Но уже поздно. И как это мне идет! Как жаль, что он не увидит меня такой...

Эта мысль исторгла очередной мучительный стон. Нет, нет, нет! Этот негодяй, этот мерзавец недостойн видеть меня такой прекрасной! Зато он увидит кое-что другое... Так, а как же завязать этот пояс? Ах, видимо, вот так... В принципе неважно, как они там у себя делают. Главное, чтобы на мне смотрелось красиво... Очень, очень красиво! Как жаль, что... Стоп.

Осторожными движениями на лицо натянуты капюшон и маска. Как бы не задохнуться. Чем они только дышат в таком скафандре? Но двигаться чертовски удобно. Мне бы весьма пригодился такой наряд во времена «Ройял-Джорджа»... Сколько раз приходилось перемахивать ограду, убегая от братьев или гоняясь за ними... И гораздо удобнее, чем в старых джинсах, работать в хлеву... Нет, толстая белобокая Тигги сильно испугалась бы. Да и другие. Они

не любили, когда я меняла наряды, даже отказывались доиться... Стоп. Заело. Осторожно... Не поломала ноготь? Уф! Удивительно красивый маникюр. Где эти чертовы перчатки?

Произведения маникюрного искусства поочередно скрылись под тонкой черной кожей. Щелкнули кнопки на запястьях. Ах, как здорово! Может быть, еще сверху, как в том журнале, нацепить перстень?... Вот он. Сияет себе, как прежде.

В душе мгновенно запылал прежний огонь. Запустить бы ему этим перстнем в лоб!

Пальцы, обтянутые черной кожей, помедлили, перекатывая красивый золотой перстень с изумрудом. Затем бережно вернули его в красное бархатное гнездо. Защелкнули крышечку футляра. Нет, пусть останется тут. Мало ли что... Пусть. Теперь это мое единственное состояние. И если... если не вернусь, то пусть достается хозяину в качестве квартплаты. Завтра кончается срок аренды, он явится, и... Не написать ли записку? Нет, уже некогда.

Итак, все готово. Все идет так, как должно идти. Мне отмщение, и уж я отомщу... Или как там в Библии? Давно не читала. Ну, не важно. Главное, что в этом костюмчике я чувствую себя превосходно. Только вот чертовы перчатки... Как же в них жарко и неудобно. Ну ничего, мы быстренько. Итак, последний взгляд на себя в зеркало.

В квадрате рамы напряженно застыла высокая фигура – вся в черном, с ног до головы. Сквозь прорези в маске виднелась пара серых глаз, исполненных угрюмой решительности. Прежде чем выйти из комнаты, фигура несколько раз присела и сделала пару упругих наклонов для проверки костюма.

Фигура в черном потянулась к лампе, чтобы погасить свет, но передумала. Пусть считают, что я дома. По крайней мере, не хватятся раньше времени. Хозяин придет – он и выключит, и, к счастью, орать уже будет не на кого.

Рука наткнулась на маленькое зеркальце, лежавшее под расческой. Ах, вот оно! Нашлось. Отлично. Положим вот в этот нагрудный карман. Медокс рассказывал, что он для того и приспособлен, а зеркальце служит защитой от возможного поражения в сердце... Ах, мое сердце поражено давно и насквозь. Не поможет никакое зеркальце. Но мало ли что, пригодится...

А вот мой любимый флакончик!.. Ему так нравился этот запах... Вдохнуть в последний раз... Рука в тонкой перчатке машинально нажала на колпачок фирменных духов.

Женщина в черном не подозревала, какую роковую роль может сыграть парфюмерный аромат в подобных обстоятельствах. Но ошибка была неизбежна. Ведь она впервые уходила в темную ночь, облачившись в черный наряд, с самыми мрачными намерениями: покарать мерзкое, подлое, низкое предательство. Вот этой тонкой, красивой, сильной рукой наказать человека, которого она любила еще совсем недавно, любила больше всех на свете, любила так, как никто никогда его не любил и не полюбит.

И он любил ее...

Но ведь в этом-то все и дело! И хотя действия женщины в черном походили на сцену из криминального фильма, но здесь готовились не к ограблению банка и не к похищению мирового шедевра живописи. На кону стояла более высокая ставка: месть за растоптанную любовь.

2

Дюжий охранник Билл Четтингем лениво поглядывал на большие настенные часы в проходной, неторопливо сокращавшие срок очередной смены. Взглядывал, зевал, потягивался и устраивался поудобнее в черном мягком служебном кресле. Время от времени вставал, чтобы заварить еще одну кружечку черного кофе по личному рецепту, с перцем и солью, для бо́льшей бодрости. Хотя настроение и без кофе оставалось вполне радужным. Ночное дежурство явно удалось.

Во-первых, он выспался. Это не так уж просто для Четтингема, с его-то старческой бессонницей. Да, вот так и подкрадывается старость: хотя Биллу едва перевалило за тридцатник, а после позавчерашней смены он, по обычаю, заглянул в паб, сбегал в боулинг, просмотрел пару вестернов, приласкал Салли... Но, что ни говори, возраст уже не тот. С недавних пор призраки старости нагрянули в виде ночной борьбы с подушкой и перекрученными простынями.

На этот раз все обошлось, и ровно в 22:00 по местному времени сотрудник внутренней охраны Билл Четтингем, бодрый, свежий и готовый к тяготам ночного дежурства, внушительно восседал за стойкой у турникета перед входом в Исследовательский центр диетического питания, переваривая мощный ужин, которым успел загрузиться в ближайшей забегаловке.

Во-вторых, Салли была необыкновенно мила сегодня. Явно чего-то хочет. Уж не кольца ли на палец? Э, милая, осади коней! Хватит с тебя и дармового жилья. Знаешь ведь, что простому охраннику такая обуза не по карману. Да и молод я еще, чтобы вешать себе на шею такое ярмо, как женушка Салли! В постели ты хороша, не жалуюсь, но где взять денег на все твои безделушки, если ты надумаешь перейти в домохозяйки и уйдешь из своего ресторана?! А вообще – пусть надеется. К ее шелковой коже еще бы шелковый нрав, и получился бы мой идеал...

Билла обнаружил в одной из красавиц на глянцевой странице подобие Салли и прищурился от приятных воспоминаний. Да, вот и третье удовольствие: напарник опять оставил кучу журналов, и Биллу есть чем скоротать время. Правда, дурацкие истории знаменитостей похожи как горошины из одного стручка и порядком раздражают. Но есть и ценные материалы. Например, обзоры бейсбольных чемпионатов исследованы наконец до последней запятой.

В последнее время некогда было следить за событиями, Билл чересчур увлекся личной жизнью. А между тем неудачник Рив Коунтли сломал лодыжку, а этого Бента – подумать только! – перекупил чикагский клуб за совершенно нереальную сумму – что там покупать? Четтингем, ей-богу, стоил бы не меньше, если бы пошел в бейсболисты, а не в охранники.

Хотя охрана – тоже неплохое дело, когда дежурство проходит без инцидентов. То есть практически всегда. В том-то и состоит единственный недостаток службы, что приходится киснуть на посту без дела. По крайней мере, за эти два года в Центре не произошло ни единого безобразия.

Ни хулиганов, ни грабителей. Да и что тут делать серьезным типам? Красть дурацкие пробирки? Выведывать секреты снадобий для похудения? Барахло все эти снадобья, вот и Салли так говорит. Денег в сейфах не водится – как-то Билли вызывали присутствовать при вскрытии, лично видел: дурацкие бумажки. Но после этого он и попросился перевестись в ночные смены: меньше дергают по пустякам.

Ночью вообще хорошо. Ровно с 22:00 до 07:00 мир принадлежит тебе, Билл Четтингем, и никому больше. Можно читать журналы, поглядывать на камеры наблюдения, прислушиваться к переговорам коллег из полиции, и все, что требуется, – это каждые два часа докладывать, что все в порядке. Остается только радоваться, что во вселенной Билла Четтингема все идет мирно, как ему и положено.

Да, вот удивительно, как все сложилось вовремя, раз навсегда, правильно и неизменно. Взять тех же девиц. Сколько их тут, в этом Центре! Биллу довелось насмотреться на эту выставку за времена дневных дежурств. Кажется, перед ним промелькнул миллион этих особ в разноцветных халатиках с фирменной монограммой на нагрудном кармане.

Поначалу все они казались достойными внимания. Особенно те, которые сидят тут, на первом этаже. Только начал приглядываться, как на горизонте (точнее, на пикнике в честь Дня независимости) объявилась эта юркая официантка Салли, и все пошло своим порядком. Салли заняла свое место под боком и в сердце Билла, а девицы слились в одну, неразличимую ни спереди ни сзади РОО – работницу охраняемого объекта.

Ах, как она была хороша в первые месяцы! Не работница, понятно, а моя деточка... Потом, после третьей... нет, четвертой ссоры вновь обнаружилось удивительное разнообразие местных пород. Но будь он проклят, если это не были уже совсем другие девицы. Такое ощущение, что они меняются, как в калейдоскопе. Особенно тут, на первом этаже.

Вот тогда – появилась эта крохотуля, с пирсингом в носу... черт, какие у нее ножки! Как раз в его вкусе: маленькие, стройные, всегда на высоченных каблучках. А та красotka исчезла. Как же ее звали?... Имя уже вылетело из головы, зато фигура впечаталась в память намертво, как след от бейсбольной биты. Высокая такая девица, с гордой осанкой, серьезные серые глазищи под прямыми широкими бровями, чувственные губы... Ей бы на подиуме прогуливаться, а не за компьютером прятаться. Билл с особым удовольствием выдавал ей ключи и затем на пару секунд забывал об обязанностях, улетаая душой вслед за удаляющейся мисс, вдыхая таявший аромат дорогих французских духов... Что-то болтали про ее увольнение?

Да, а когда появилась она, исчезли две другие. Как их там звали, уже и не важно, но обе были очень милые, одна пухленькая, а у другой на редкость изящная линия кормы... И что они отсюда все бегут? Или в этом курятнике квота на женскую красоту? Неужели, действительно, этот их Флендер?..

Но Билл Четтингом не интересовался женскими сплетнями – из принципиальных мужских соображений. Кроме того, это не входит в служебные обязанности. В служебные обязанности входит лишь тупо смотреть на пустые неподвижные экраны да с монотонной четкостью робота сообщать «все-в-порядке-нарушений-нет». Черт, как же тут скучно!

И зачем он отказался от перевода в банк? Там-то, верно, бывают дела повеселее, чем истерики сотрудниц, потерявших ключ. Там-то и должен служить настоящий мужчина, который создан для борьбы и побед! А пока что в активе числится полная и окончательная победа только над одной смазливой Салли...

Хотя, скажу тебе, Четтингом, честно, как мужчина мужчине, – не очень-то понятно пока, кто кого завоевал. Ну, с этим мы разберемся! И я ее больше слушать не намерен. При первой же возможности попрошусь в группу оперативного реагирования! Решено. Так, что у нас тут пишут о Бенте...

Билл вытянул из стопки очередной журнал и углубился в чтение. Но что-то начало тревожить. Водя пальцем по таблице рейтинга игроков, он то и дело поднимал голову и профессиональным шестым чувством оценивал тишину в Центре. Вроде все тихо, как обычно...

На некоторое время таблица перетянула внимание на себя, и Билл принялся досадливо чмокать и поднимать брови: ну так и есть, эти ребята опять продули, а я пропустил такой важный факт! Господа хорошие, еще одно поражение – и я прекращаю за вас болеть...

Шорох. Послышалось? Он снова поднял голову и максимально настроил слух. А также обоняние, осязание и прочие качества, необходимые для охранной службы.

Несмотря на двести фунтов веса, широкую красную физиономию и внешнюю флегматичность, Билл Четтингом, когда требовала служебная инструкция, мог быть чутким и ловким, как мартовский кот. Однажды довелось увидеть своими личными глазами, как черный котяра шпарил вертикально по стене к подоконнику, на котором скалила зубы его подруга, с ревом и

скоростью реактивного самолета. Сам бы не увидел – ни за что б не поверил. Правда, окно было на первом этаже, но зрелище смотрелось прямо как киношный спецэффект с черным ниндзя!..

Короткий неясный отдаленный стук. Журнал шлепнулся на кресло, а Билл единым махом перелетел через стойку и, вытягивая газовый пистолет из кобуры, стоял, прислушиваясь и напряженно вглядываясь во все десять экранов видеонаблюдения. Ни на одном не было заметно ни малейшего движения. Но движение было, в этом Четтинге мог бы поклясться тем самым мартовским котом.

Он не задавался вопросом, кому и что могло понадобиться в Центре в такое время. Задача была простая: выяснить, откуда шум, найти и ликвидировать причину, о действиях доложить. Билл заблокировал вход и с пистолетом наперевес двинулся по вестибюлю, впиваясь в атмосферу ночного помещения всеми рецепторами огромного, накачанного, тренированного полицейского организма.

Через полминуты стало ясно: шум исходил отсюда, с первого этажа (слава богу, быстрее доберусь!), а именно – справа. Этот отсек занимала лаборатория доктора Джеймса Флендера.

Свет в коридоре, как полагалось, был погашен. Это, с одной стороны, затрудняло действия, с другой – облегчало. Передвигаться бесшумно и сливаться со стеной Билл умел не хуже всякого другого охранника, а точно и своевременно реагировать – пожалуй, и получше. Но сейчас надо было ждать, и он ждал.

Он стоял, застыв в глубоком дверном косяке, и не шелохнулся вплоть до того момента, пока не увидел, как за коридорным окном мелькнула тень. Через несколько секунд тень обрелась в рослый вражеский силуэт. Шесть футов – не меньше, могучий парень, и весь в черном. Как тот мартовский кот.

Интересно, как он откроет окно? Открыть снаружи внутреннюю защелку невозможно... Окно начало постепенно отворяться. Какой идиот его не закрыл?! Следим дальше. Рама наполовину отошла, и силуэт с гибкостью змеи проскользнул на подоконник. Ты, парень, акробат, как я посмотрю. Твои дальнейшие действия?

Силуэт на некоторое время застыл на широком подоконнике. Вероятно, тоже прислушивался. Слушай, слушай, парень. Билла Четтингема ты вряд ли услышишь. Главное, чтобы ты был один и без оружия. Когда ты повернешься спиной, мы обо всем договоримся. По крайней мере, брать тебя уже можно: присутствие постороннего лица в неположенное время зафиксировано.

Но Билл не торопился. Самое главное – взять с поличным, пусть покажет, за чем пришел. Иначе этому типу будет нетрудно заявить, что в темноте окном ошибся. Шел к своей кошке – ошибся окошком... Отличная остроумность. Надо запом...

Стоп! Черный силуэт, мягко соскользнув с подоконника, двинулся по коридору. В руках его что-то звякнуло – еле различимо, но Билл услышал. Злоумышленник остановился у одной из дверей. Кажется, у входа в лабораторию Джеймса Флендера. Дверь почти бесшумно отворилась, и преступник исчез за нею. Что ж, тем лучше, сказал себе охранник, по-кошачьи подбываясь к лаборатории. Там, внутри, мы с тобой разберемся конкретно. Где там выключатель? Ага, помню. Слева от двери, сразу у входа.

Ух ты, какой приятный аромат! Похоже на духи... Запах красивой женщины с серыми глазами... Но откуда им взяться? Тянет из комнаты... Понятно: нарушитель откупорил пробирки с новейшими... этими... как их... феромонтами, что ли? Запишу, что обнаружил запах еще на подходе к объекту. Зачтется.

Дверь осталась приоткрытой, внутри раздался щелчок и негромкий гул.

Биллу не понадобилось и десяти секунд, чтобы поравняться с дверью, ввинтиться в проход и нажать кнопку выключателя.

Брызнувший яркий свет, как вспышка молнии, представил охраннику Исследовательского центра Биллу Четтингему самую неожиданную картину: вместо ожидаемого беспорядка,

вскрытых секретных пробирок и распахнутого сейфа он увидел стоявшего перед оживающим компьютером высокого молодого человека в черном костюме и маске ниндзя.

Еще за минуту до этого Четтингем, человек неробкого десятка, был готов даже к тому, что придется рассказывать о своих подвигах лежа под капельницей в больничной палате (могильную плиту все-таки представлять не хотелось). Но увидев, что в ответ на световой шок ниндзя с громким воплем судорожно дернулся и заметался по комнате, охранник вмиг успокоился.

Держа пистолет дулом вверх, никуда не спеша, он грозной молчаливой статуей внимательно наблюдал за суетой, прочно загораживая выход, не оставляя преступнику ни малейшего шанса уйти безнаказанно. Пусть побеждает, быстрее устанет. Кажется, этот странный ниндзя безоружен. Но если это только маневр, все-таки придется применить табельное оружие.

Вместо того, чтобы пробежаться по потолку или швырнуть удавку в противника, злоумышленник бросился в кресло перед компьютером и, рыдая, принялся стягивать маску, а затем капюшон, из-под которого выпала волна роскошных волос... Остолбеневший страж порядка почесал дулом пистолета мощный затылок, а затем вернул табельное оружие в кобуру.

Еще никогда Билл Четтингем не был так ошарашен. Мало того, что в лаборатории ничего не было испорчено. Мало того, что человек вырядился в маскарадный черный костюм ниндзя, зачем-то залез сюда в неурочный час самым дурацким способом и открыл дверь обычным электронным ключом. После всего этого он еще оказался женщиной.

И не просто женщиной, а весьма и весьма знакомой женщиной. Той самой высокой красавицей со светло-каштановой шевелюрой, большими серыми глазами и чувственными, изящно очерченными губами. Имя припомнилось мгновенно: та самая мисс Памела Кроу сидела сейчас перед стражем порядка, источая потоки слез и аромат божественных, дивных, безумно дорогих французских духов.

3

– Гм! – только и смог произнести Билл Четтингем, взирая на эту поразительную картину. И, хотя он постарался вложить в свое восклицание всю силу карающего неумолимого закона, но решительно не понимал, что делать. В инструкции ничего не говорилось о том, что преступник может заплакать.

В следующую минуту плачущая преступница протянула две изумительно красивых женских руки, с тонкими запястьями и прекрасным переливающимся маникюром, – протянула не с мольбой об освобождении, а покорно ожидая, когда на нежных запястьях наглухо сомкнутся железные челюсти наручников.

Сами наручники остались в ящике стола, и честно сказать, Биллу Четтингему совсем не хотелось бежать за ними. Не говоря уж о такой скучной бюрократии, как составление протокола и вызов наряда полиции.

Итак, Билл продолжал стоять, изображая грозную силу Фемиды. Между тем преступница устала держать поднятые руки и уставилась на охранника удивленным взором заплаканных глаз. Не переставая всхлипывать, она наконец произнесла:

– Ну? Что будете со мной делать? Давайте уж отправляйте в каталажку!

– Закон разберется, мисс Кроу, – ответил мистер Четтингем тоном, сочетающим суровость и мудрость. – С этим успеется. Я надеюсь, вы не вооружены?

– Вы меня узнали? Я в вашем полном распоряжении, мистер... Забыла, как вас там...

– Четтингем. Билл Четтингем.

– Ну что ж, я в вашем полном распоряжении, мистер Четтингем. Можете делать все, что вам угодно, – Памела Кроу величественно поднялась и развела руки в стороны, позволяя обыскать себя во всех направлениях. Она жертвенно откинула назад гордую голову, ожидая жадного прикосновения грубых полицейских лапищ, но в очередной раз была сбита с толку ответом:

– Да ладно, я вам и так верю. Садитесь.

– Протокол будете писать? – неожиданно по-детски всхлипнув, воскликнула мисс Кроу, возвращаясь на стул. – Отпечатки пальцев снимать будете? Ой, а я только вчера сделала маникюр...

Она озабоченно взглянула на ногти – не попортился ли дорогой лак – и попутно объяснила:

– Перчатки я потеряла. То есть сняла, когда оттягивала эту чертову задвижку.

– Да, о задвижке! – перехватил инициативу Билл Четтингем. – Начнем с начала. Каким образом вы попали в здание? На что вы рассчитывали, надеясь беспрепятственно проникнуть в помещение лаборатории?

– На нашу уборщицу, – поникнув головой, прошептала мисс Кроу, проводя пальцем по ногтю. – Она не умеет как следует закрывать окно, после мойки. Тут сломанная задвижка, и просто так окно не закрыть... Я помню, как она чуть было не вывалилась из него.

– Имя уборщицы? Когда это произошло? – Билл уселся напротив Памелы Кроу, удобно подпер рукой щеку и приготовился к основательному допросу, пытаясь припомнить все приемчики и интонации, которые требовалось использовать при общении с нарушителями закона.

Памела вздохнула и опять всхлипнула.

– Нет, не Джулия. Эта... Давно уже... Хотела, видите ли, станцевать, схватила за ручку, а она, представляете себе! – отошла, вместе с рамой, и она кувыркнулась... Я пыталась ее починить, но не получилось. Ну вот. А Джулия слабее, чем я, и ей не справиться. А сегодня первое число, а первого числа Джулия моет окно и, конечно, не смогла задвинуть...

– В общем, ясно, – прервал ее Четтингем, хотя половина сказанного прошла мимо его сознания. – Значит, открытое окно. А как вы до него добрались? Как это вам удалось не свалиться с узкого карниза, пока работали с задвижкой?

– Пф-ф-ф! – презрительно фыркнула Памела. – В «Ройял-Джордже» я и не так скакала через изго... То есть я хочу сказать... Я увлекаюсь скалолазанием... – И покраснела так, что отвлекла Билла от непосредственной задачи допроса. Он с трудом заставил себя отвести глаза от нежного женского лица, от смущенно потупленных больших серых глаз с длинными ресницами. Серdito похмыкал, поерзал на стуле, опомнился и продолжил разговор:

– Ну ладно, скалолазание так скалолазание. Допустим. Но что это вам пришло в голову увлекаться ночным скалолазанием по стенам общественного здания? Здания, к которому вы к тому же еще не так давно имели прямое отношение! Что вы здесь забыли, мисс Кроу? И почему нельзя было подождать до утра?

Совсем подавленная, ошарашенная потоком грозных вопросов, Памела закрыла лицо руками и перестала отвечать. До Билла доносились лишь старательно сдерживаемые рыдания. И бравый полицейский опять перестал понимать, что ему делать. Как, черт возьми, эта девица догадалась, что он совершенно не выносит женских слез? Вот Салли – та не догадывается, та сразу переходит в визгливый регистр, и кусаться. А знала бы – давно сплела бы из Билла Четтингема свадебный венок...

Он серdito закашлял и снова заерзал, пытаясь этими незатейливыми звуками вернуть преступницу в чувство и разум. Озабоченно взглянул на часы: до конца смены четыре часа. Что же ему делать? Что делать с глупой девчонкой, так некстати распустившей нюни? Как выйти из этой идиотской ситуации? Чем отвлечь дурочку? Каким-то посторонним вопросом? Чему тебя учили, курсант Четтингем?

Между тем общее молчание помогло Памеле справиться с собой. Она, наконец, перестала всхлипывать, глубоко вздохнула и утерла лицо рукавом боевого костюма. Затем вытащила из нагрудного кармана зеркальце и принялась себя разглядывать, поправляя растрепанные волосы. Билл усмехнулся:

– Забавный маскарад у вас, надо сказать. Где костюмчик прихватили?

Памела мотнула головой в неопределенном направлении.

– Там... – хмуро произнесла она. – В оружейном магазине.

– «У Медокса»? – поинтересовался Четтингем.

– Вот-вот. У него, да.

– Точно! А я и думаю: где же я его видел? Дорогой? Я бы от такого не отказался. Ну, чисто для тренировок в скалолазании, – не отставал любознательный Билл.

– Ужасно дорогой, – серdito ответила Памела. – Хотите, продам по дешевке? Мне он теперь не нужен. С вашей помощью скоро получу бесплатную полосатую одежду.

– Моя помощь зависит от вашей честности, мисс Кроу. Расскажите все как есть, и я обещаю, что сделаю все, что в моих силах, чтобы помочь вам избежать тягостных последствий необдуманного поступка.

Эта фраза – одну из немногих, зазубренных Биллом на лекциях по психологической подготовке будущих охранников, – удалось выговорить практически без запинки, и он сам порадовался своему красноречию. Увидев, как радостно и удивленно блеснули глаза девушки, торопливо добавил:

– Разумеется, меня интересует только то, что имеет отношение к происшествию. Все остальное можете не рассказывать.

– Хорошо, – послушно кивнула Памела. – С чего начать? Что вас больше всего интересует?

Билл алчно заметался, не зная, что бы разведать в первую очередь.

– Ну, с костюмом мы выяснили...

– Семьсот пятьдесят долларов, – сообщила Памела. – Ну, и всякие дополнения. Пояс, перчатки... Еще семьдесят долларов.

– Итого восемьсот двадцать долларов, – подытожил Четтингем. – Верно, сумма приличная. И ради чего вы ее потратили? Чтобы поработать ночью на компьютере в помещении лаборатории, из которой вы ушли месяц назад? Ностальгия замучила?

– Два! Два месяца назад! – злобно уточнила Памела.

– Хорошо. Значит, два месяца назад. Я помню, что был очень удивлен этим обстоятельством. Вы ведь, как я слышал, лучшая сотрудница Джеймса Флендера...

– Не знала, что охранники интересуются такими подробностями, – язвительно заметила Памела. – Никогда бы не подумала, что вам есть до меня дело. Вернее, было.

– О вас много говорят, – уклончивым ответом Четтингем постарался скрыть свою полную неосведомленность.

– Да? – оживилась Памела. – Говорят до сих пор? А что говорят? Кто говорит?

– Разглашать чужие разговоры мне запрещено инструкцией, – сурово сообщил Билл. – Но уверяю вас, мисс Кроу, я слышал о вас столько хорошего, что никак не мог предположить, что вы покинете это место. Да... Не говоря уж о том, что произошло только что.

А разве вы не боялись нарваться на охрану, на сигнализацию, в конце концов? Да! Совсем упустил из виду! Почему не пошел сигнал, когда вы открыли дверь? – Он сорвался со стула, подскочил к щитку на стене, откинул крышку и принялся внимательно изучать состояние бокса.

– Сигнализацию я отключила, – так же сурово ответила Памела. – Я отлично помню, сколько секунд требуется на ее включение. Ну, и на выключение, соответственно. Постоянно приходилось этим заниматься...

– Натренировались? – усмехнулся Билл, возвращаясь на свое место. – Не иначе как готовились к чемпионату мира по ночному промышленному скалолазанию? Для чего столько жертв и усилий?

Памела яростно встрепенулась:

– Если вам угодно знать все мои подробности, вы отлично знаете, как, когда, почему и кто меня выгнал из этой проклятой лаборатории! А зачем и почему я оказалась здесь, не скажу! Надевайте наручники и гоните в тюрьму! Не скажу, и все!

Билл понял, что переусердствовал в иронизировании и назидании. Недаром оценка по курсу психологической подготовки была самым позорным пятном в списке учебных достижений курсанта Четтингема. Но недостаточную образованность по этой части Билл научился восполнять таким простым, но редким качеством, как здравый смысл. Он мигом успокоился. Мягко взглянул на kloкочущую ненавистью девушку. Осторожно коснулся ее руки. Грустно покачал головой. Понимающе цокнул языком:

– Так-так. Уволили, значит... Обидели. Сильно обидели. Тяжело, непростительно. И затем?... Ответный удар? Месть?

– Да, месть, – устало кивнула Памела и, словно это признание исчерпало ее последние силы, внезапно ссутулилась, обмякла, словно стала ниже ростом. Тяжело облокотилась на стол, тяжело вздохнула. – Я не знаю, как вам это объяснить. Понимаете, Билл, это не минутный порыв, не импульсивная реакция. Это месть, и я хотела отомстить любой ценой. Эти люди... Они заслуживают большего, чем то, что в моих силах. Я жалею, что не могу сжечь этот проклятый дом, со всеми, кто в нем находится!

– Со всеми? Ни в чем не повинными людьми? – Наконец как следует припомнив уроки психологии, Четтингем произнес самым сдержанным, самым тихим тоном:

– Людьми, которые виновны лишь в том, что работали с вами в одной лаборатории? Любой ценой? А знает ли мисс Кроу, что совершая самосуд, она принимает на себя дьявольские функции? Я не силен в библейских заповедях, но ведь есть вещи, которые объяснять

не надо. Вы только что сказали, что ваши действия не были минутным порывом. Вы сами не поняли, какую ужасную вещь вы сказали. Мне страшно находиться рядом с вами, мисс Кроу!

Новый приступ красноречия оказался более действенным, чем ожидал сам оратор. Неожиданный пафос, прозвучавший из уст дюжего охранника, вызвал мгновенную краску стыда на нежном лице преступницы. На ее глазах снова выступили слезы, но на этот раз Билл Четтингем оказался на посту и не позволил разразиться новому потоку рыданий. Озабоченно взглянув на часы, он снова покачал головой:

– У нас очень, очень мало времени, дорогая Пэм. А вы все молчите и теряете драгоценные минуты... Стоп! – Услышав сигнал вызова, он вскочил и кинулся в коридор.

Служебный долг был превыше всего для Билла Четтингема. И вызов дежурного заставил его позабыть обо всех нюансах, связанных с пребыванием незадержанной преступницы в комнате с открытой настежь дверью и незакрытым окном в конце коридора первого этажа, откуда был свободный выход в безлюдный внутренний двор и далее – на улицу.

– Исследовательский центр, охранник Четтингем! – отрапортовал он хорошо поставленным голосом.

– В чем дело, сэр? – грозно поинтересовалась рация. – Вы дважды не вышли на связь. Я отправил наряд, но на всякий случай решил все-таки сделать контрольный звонок.

Билл ошарашенно взглянул в проем стеклянной наружной двери. Через пять минут явившийся наряд застанет охранника Четтингема, стоящего перед открытой дверью лаборатории, где отключена сигнализация, работает служебный компьютер с секретными данными и открыто окно в конце коридора... И никого, никого, никого в здании, порученном под охрану одного из лучших служителей порядка Билла Четтингема! Бывшего слу...

– Простите, капитан. Я делал обход этажей и забыл захватить рацию, – спокойно ответил Четтингем.

– Та-а-ак... – зловеще протянули на том конце связи. – Не умеете врать, Четтингем. Признайтесь просто: заснули на посту?

– Спал я на посту или нет – этого вы не докажете. Повторяю: я только что вернулся с обхода, – очень громко и четко произнес Билл. – Все в порядке. Хотите – разбирайтесь. Наряд может лишний раз пробежаться по всем десяти этажам. Но фиксирую факт: я на его вызове не настаивал. Готов принять списание затрат на неоправданную операцию в счет моей забывчивости.

– Гм-м-м, – мрачно буркнула трубка. – Хорошо. В следующий раз подобная забывчивость обойдется вам дороже. Спокойного дежурства.

Выключив рацию, Билл с полминуты умирал сердце. Перестав чувствовать, где оно находится, мерным шагом двинулся в лабораторию, надеясь, что эта Кроу уже воспользовалась шансом и удрала. Разрушительных действий не произведено. Сигнализацию включить, компьютер выключить, дверь закрыть, задвижку затянуть до упора. Утром никто ни о чем не догадается... Да, главное – выключить свет.

Свет был включен, компьютер выключен, а Памела Кроу так и сидела, как ее оставил Четтингем, – склонившись над столом, уткнув лицо в ладони.

Билл громко кашлянул, застыв на пороге. Девушка вздрогнула, но не обернулась. Охранник подошел к ней и положил на плечо тяжелую ладонь. Памела повернула голову и коснулась руки губами.

– Спасибо, Билли. Спасибо. – Голос дрожал. – Я все слышала. Я... я никогда на забуду, что ты для меня сделал...

Четтингем смущенно похлопал ее по плечу.

– Ничего страшного не случилось. И ничего я такого не сделал. Просто помешал тебе совершить большую глупость, вот и все. Ты свободна, можешь идти. Через дверь, понятно, не

через окно. Хотя в таком наряде не рекомендую... Впрочем, пусть думают, что ты возвращаешься с вечеринки.

– Мне некуда идти, Билли, – прошептала Памела, не двигаясь. – Я... все ликвидировала. У меня нет ни дома, ни денег, ничего. Я... я хотела...

– Перекантоваться лет десять в казенном доме, да? – усмехнулся Билл, присаживаясь рядом с Памелой. – Хорошенькая перспектива для молодой красавицы. Надеюсь, ты не задумала чего похуже.

Мисс Кроу отвернулась от него, не отвечая.

– Мда, – протянул Билл, потирая голову. – Значит, говоришь, тебе некуда идти. Понимаю... Понимаю и про месть. Но не понимаю – за что? Ну, уволили да и уволили. С кем не бывает?.. За что сразу – мстить? – удивлялся Четтингем как можно убедительнее.

Расчет оказался верным. Памела резко вскинула голову, глаза вновь загорелись яростным светом:

– За разрушенную любовь, за потерянное счастье! – отчеканила она, злобно взглянув в лицо Биллу, словно эти слова предназначались ему как виновнику катастрофы.

– А кто разрушил-то? – ласково спросил охранник. – Кто тебя обидел, милая?

Собеседнице не пришлось по вкусу ни сахарный сироп, обильно пропитавший фразу, ни само хамелеонство вопрошателя.

– Говоришь, не знаешь? – взорвалась Памела. – Если ты знаешь все, знаешь и кто!

– Мистер Фле?..

– Да! Да! Да! И не только он! И эта крашенная сволочь!

– Они тут все крашенные, Памела...

– Но сволочь только одна, – бешено уточнила Памела, стукнув по столу кулаком. И мотнула головой в сторону шкафа с пробирками...

– Та, которая с пирсингом?..

– Да! Эта... Я не хочу ее называть!

Голос девушки прервался, она закрыла горло рукой, закашлялась.

– Ага, – догадливо произнес Четтингем. – Мисс Харвей, значит...

– Молчи! – хрипло закричала Памела. – Молчи, а не то я разобью шкаф! И все тут переломаю! – И снова закашлялась.

Четтингем сжал руку девушки так, что она вскрикнула.

– Прекрати истерику, – железным голосом приказал охранник. – Успокойся и расскажи толком, кто и как тебя обидел.

– Отпустишь – расскажу, – заявила Памела.

– Поклянись, что не будешь делать глупостей.

– Клянусь...

Билл ослабил хватку, но руку не выпустил. Да Памела и не собиралась ее вырывать. Словно невидимые биотоки передавали измученной девушке из мощной волосатой ручки успокоение и душевное равновесие.

– Да, так с чего началась заварушка? – проговорил Билл, чтобы помочь разговору. – Я ведь не слежу за вашими играми.

– А ты знаешь о том, что произошло перед моим увольнением?

– Нет.

– Был скандал.

– Из-за чего?

– Из-за гранта.

– Какого гранта?

– Того самого. Которого ждала вся лаборатория. Знаешь... Давай я расскажу тебе все как было, – медленно произнесла Памела. – А кто виноват, разбирайся сам.

4

Ферма «Ройял-Джордж» славилась качеством молока. Молоко давали точь-в-точь такие же коровы, как и на соседних фермах, но хозяин, мистер Брайан Кроу, знал некие секреты, передаваемые из поколения в поколение, которые позволяли улучшать физиологический процесс превращения травы в молоко в незатейливых коровьих недрах, таким образом, что молоко, во-первых, дольше не скисало, а во-вторых, сохраняло неуловимые, но вкусные оттенки поглощенной травки.

Завистники расходились во мнениях, поет ли мистер Кроу псалмы во время дойки или подсыпает в кормушку наркотики, но так или иначе, многолетнее высокое качество продукции позволило, во-первых, найти для хозяйства гордое и приличное название «Ройял-Джордж» и во-вторых, удерживать прочное место на сверхплотном рынке сбыта. А в-третьих – обеспечить более или менее приличное содержание семье.

Трое сыновей мистера Кроу смогли таким образом прорваться на службу в элитные войска и рьяно заслуживали очередные погоны, а единственная и любимая дочь Памела предназначалась для продолжения фермерской славы, и отец не собирался никуда ее отпускать. Миссис Кроу отошла в мир иной вскоре после рождения младшего сына, Вильяма, и хозяйство, с коровами и их секретами, самым естественным образом предназначалось для той, кому с двенадцати лет вверено было полное управление фермой под присмотром мистера Кроу.

Памела не предпринимала путешествий дальше Дорчелла и обратно, да и то лишь – с очередной партией фляг. И не знала никаких иных миров и секретов, кроме тех, которым обучил ее хозяйственный мистер Кроу. Так и собиралась она провести свою жизнь в стенах усадьбы, приглядывая на очередной ярмарке очередного жениха, который бы устроил высоко-нравственного и принципиального отца.

Но ни один пока что не пришелся к ройял-джорджевскому двору. Больше всего отец боялся, что избранник, став мужем и полноправным хозяином, выведает все секреты, а потом продаст их первому встречному. Поэтому задача устройства личных дел мисс Кроу откладывалась все дальше и дальше. Как вариант отец (конечно, только на словах) допускал даже внебрачного ребенка, с условием, что это будет парень, а не девица. Но такого обещания Памела дать не могла, и отец вполне логично разводил руками: ну нет, значит, нет. Тогда поищем подходящую кандидатуру на роль моего зятя.

Эта ситуация с каждым годом все больше выводила Памелу из себя. Особенно тяжело приходилось, когда явившиеся с родственным визитом дорогие братцы, после пятой кружки местного пива, начинали за спиной отца мучить дорогую сестрицу всевозможными способами – от сочувствия и насмешек до прямых попреков.

– Такие красавицы, как ты, не должны переводить свою жизнь на молоко! – соболезнавал старший, Макс.

– Ты, Пэмми, скоро и жевать будешь, как Тигги! – веселился средний, шутник Питт.

А младший, прямолинейный Вильям, заявлял в глаза:

– Надо быть полной душой, чтобы дать себя сгноить в этом навозе!

– Давай к нам на службу! – бодро предлагал Макс. – Ты так здорово скакала по деревьям и заборам! Еще не разучилась? Пойдем полазим!

– Девушке моего возраста это неприлично, – сдержанно отзывалась Памела.

– Ну да, – вмешивался Питт. – Девушке твоего возраста прилично доить коров до посинения. Как до коровьего, так и до собственного.

– Ты по-прежнему остроумен, Питт, – холодно отвечала Пэм.

– А ты по-прежнему дура! – с братской откровенностью возвещал младший, Вильям.

– А ты все такой же грубиян! – взрывалась Памела и убегала на чердак, где и отсиживалась, как в детстве, среди паутины и старых ботинок, в ожидании, когда братцы гуськом явятся с ритуальными извинениями.

Но ни встречи, ни уговоры, ни скандалы ничего не могли изменить. И каждый раз после родственного отъезда коровье молоко на некоторое время ухудшало свои качества. Чуть-чуть, незаметно для потребителей, оно горчило, словно приправленное женскими слезами.

В тот жаркий июльский день, когда мистер Кроу в самый разгар уборки сена скоропостижно скончался от удара, казалось, что участь усадьбы, молока и самой Памелы Кроу решена раз и навсегда: дело переходит в ее красивые сильные руки до конца дней. Но наследница рассудила иначе.

Нотариус, давно и хорошо знавший дела фермы «Ройял-Джордж», был буквально ошарашен, когда ему было поручено оформить сделку о продаже фермы одной из могучих молочных корпораций – той самой, с которой мистер Кроу столько лет вел упорную одинокую борьбу. Седой сухошавый мистер Макниллз мрачно хмыкал над бумагами, то и дело кидая укоряющий взор на очень ровно сидевшую с опущенными глазами двадцатипятилетнюю Памелу Кроу, невероятно красивую, несмотря на низко повязанную черную кружевную косынку и траурный наряд. По правде сказать, в этом скорбном облачении она была хороша не меньше, чем была бы в подвенечном платье.

Но и свадебный наряд, как прикидывал мистер Макниллз, мог понадобиться весьма скоро: сумма, вырученная от продажи усадьбы, сделала наследницу дела Кроу одной из самых богатых невест округи. И он почти не сомневался, что по истечении срока траура по отцу доведется подписывать ее брачный контракт. Однако непредсказуемость мисс Памелы Кроу, решительно предавшей отцовское дело, проявилась и в дальнейшем.

Вместо того, чтобы сыграть пышную свадьбу с сыном мэра маленького городка Дорчелла (Джон Каслвуд давно уже заглядывался на богатую и хозяйственную красавицу), мисс Кроу разделила наследство на четыре равные части, три распределила между братьями, а четвертую положила в банк на долгое хранение под большие, но весьма и весьма рискованные проценты. После этого Дорчелл, мистер Макниллз и белобокая толстая Тигги навсегда потеряли из виду Памелу Кроу.

Никто не знал ни прошлого, ни настоящего, ни будущего той особы, которая рано утром шла по вестибюлю аэропорта маленького городка Эйбивилл. Высокая, атлетического сложения, девушка в темном брючном костюме летела по зеркально сиявшим плитам свободным шагом, легко помахивая маленьким чемоданчиком. Отлетающая пола жакета приоткрывала белый топ и длинное жемчужное ожерелье. На правой руке позвякивал широкий жемчужный браслет.

Меньше всего знал о ней человек, хмуро восседавший в здании аэропорта за стойкой бара. Он обернулся на легкий шаг, на звяканье бус – и не мог оторвать взгляда от проходившей мимо девушки. Он не выпускал ее из виду до тех пор, пока она не скрылась за стеклянными дверями выхода. А когда видение исчезло, вздохнул и заказал новую порцию коктейля, в ожидании рейса, который увезет его из этого чертового Эйбивилла навсегда.

Из Эйбивилла – небольшого городка, мало известного за пределами штата, но весьма и весьма авторитетного в узком ученом мире.

5

Одним из наиболее известных деятелей Эйбивилла был доктор Джеймс Флендер – сорокадвухлетний курчавый шатен, обожавший науку диетологию и себя самого, мужчину, замечательного в самых разных отношениях. Для такого вывода существовали все основания.

Во-первых, он был фотогеничен. Снимки, сделанные любителями и профессионалами на симпозиумах и конференциях, запечатлевали доктора Флендера чрезвычайно разнообразно: вот он, подперев щеку, следит за дискуссией, а вот азартно возражает, а вот воздел руку в указующем жесте, стоя на кафедре и уткнувшись в текст доклада, а вот обсуждает детали фуршета с юной исследовательницей. И везде равно интересен, симпатичен, притягателен.

Во-вторых, симпозиумы и конференции с его участием всегда оживлялись очередной сенсацией. Вот доктор Флендер озвучил категорическое несогласие с нынешней парадигмой разнообразного питания, а вот его собственная концепция, возбуждающая бурную полемику, никому не понятная, но чрезвычайно заманчивая, а вот удивительные результаты, полученные в результате эксперимента, проведенного при участии 1548 добровольцев.

В-третьих, популярность доктора была не случайностью, не шумихой на пустом месте, а естественным следствием многих причин, потому что в основе успехов Джеймса Флендера лежала не только сногшибательная энергия, но и уникальный нюх на новые, незанятые ниши. И феноменальная память. Если микрочастица новой информации прилипала к нейрону флендеровского мозга, то не прозябала бесполезно в извилинах, а мигом срабатывала при стыковке с новой дружественной микрочастицей, порождая очередную сенсационную идею.

Если перечислять прочие таланты и способы приобретения информации, то список оказался бы чересчур длинным. Как бы ни было, доктор Флендер считался одним из самых авторитетных специалистов в определенных кругах диетологов. Тем ярче горела в нем жажда покорения новых горизонтов, и главной целью на ближайшие годы стала перспектива участия в общенациональных проектах. Оставалось немного: найти тот ориентир, который кратчайшим путем приведет гениального доктора к правительственным кругам, всемирной известности и, не исключено, даже к Нобелевской премии.

В последнее время Джеймс Флендер активно разрабатывал пищевые добавки, позволяющие поставить качество питания на невероятно высокий уровень. Новейшие технологии Флендер знал как «Отче наш». И своим личным ноу-хау он считал умение сочетать эти технологии с «ручными», старинными методами, приемами, нюансами. Самым трудным было не применить эти знания, а найти их: такие мелочи хранились в памяти никому не известных людей, фиксировались в старых потрепанных записных книжках. Возможность добыть такие знания вызывала у Джеймса Флендера неудержимый азарт, сильнейший кураж.

Его могучая память не хуже компьютера удерживала сведения о самых разных, порой весьма неожиданных источниках ценной информации. Среди многочисленных объектов, за которыми Флендер бдительно следил, было и молоко с удивительными свойствами долгого нескисания и особого вкуса, поставляемое на американский рынок маленькой фермой «Ройял-Джордж».

Флендер давно уже раздобыл и исследовал это молоко в самых разнообразных ракурсах и обнаружил еще одно удивительное свойство: при определенной схеме применения, в сочетании с определенными продуктами это молоко способствовало нормализации пищеварения и позволяло избегать ожирения без каких-либо диет. Узнав этот сверхинтересный факт, Флендер в первую очередь накрепко засекретил свое открытие, а во вторую принялся между делом следить за житьем-бытьем фермы, обдумывая, каким образом можно будет состыковаться с хозяевами на благо и процветание человечества, Американских Соединенных Штатов и хозяина лаборатории Джеймса Флендера лично.

Когда осведомленный источник за умеренную плату преподнес ему сообщение о повороте, который приняли дела фермы, Флендер едва не выронил из рук распечатку с неожиданной новостью. Он понял, что в эту минуту решается если не его будущее, то будущее уникального проекта, который может определить стандарты питания, как в Америке, так и во всем цивилизованном мире. И будет невероятной глупостью дать шансу уплыть в руки болванов и рвачей из концерна «Великий млечный путь», которые завтра в 15:00 явятся заключать контракт о покупке фермы со всеми ее секретами.

Азарт и кураж воспламенили душу доктора в пять минут. А когда такое происходило, Джеймс Флендер умел действовать быстро. Ранним утром следующего дня он на личном автомобиле кинулся в Дорчелл и, ориентируясь по спутниковым указаниям, достиг фермы «Ройял-Джордж» на четыре часа раньше, чем туда доехали представители концерна «Великий млечный путь» и нотариус мистер Маккниллз.

Флендер не собирался предупреждать хозяев о своем приезде и намерениях: он рассчитывал на неожиданную атаку, зная о том, какое действие производит уникальное сочетание его дерзости, интеллекта и внешности. О хозяевах фермы было известно немного, но достаточно: наследница – дочка мистера Кроу, девица двадцати пяти лет, незамужняя. Фотографии, наскоро сделанные с дальнего расстояния непрофессиональным папарацци, давали лишь общее представление: особа высокая, худощавая и, вероятно, хорошенькая.

Тем сильнее подействовал на дерзкого авантюриста облик открывшей ему ворота девушки в глубоком трауре. Едва ли не впервые в жизни мистер Джеймс Флендер забыл, как положено начинать разговор с женщиной. Выбравшись из машины, минут пять он ошеломленно смотрел на нее, не в силах оторвать глаз от потупленных длинных ресниц, густых ровных бровей, нежного лица, еще не знакомого ни с помадой, ни с гримом, ни с пудрой.

Девушка тоже была ошеломлена, но чем, не сказала. Она лишь стояла, робко поглядывая на пришельца в невероятно элегантном костюме, выбравшегося из невероятно дорогой машины, забрызганной местной невероятной грязью: только вчера закончился долгий нудный дождь, под которым неделю назад мистер Кроу проследовал на место последнего упокоения. И вид незнакомца, потерявшего дар речи от созерцания внешности Памелы, лучше всяких комплиментов объяснил девушке его состояние.

Наконец Флендер справился с волнением, раскланялся, извинился за неловкость, вручил хозяйке верительные грамоты, включающие визитную карточку и кучу свидетельств и сертификатов, и в двух словах объяснил цель непредвиденного визита.

– Я доктор, – просто представился он. – Я занимаюсь проблемами диетологии, но я не врач, а ученый. И даже не ученый, а обычный маклер, посредник между людьми и едой. Столовая ложка на шустрых ножках. Я ищу секреты и рецепты, которые улучшают людям жизнь. Секреты молока, которое производит ваша ферма, я знаю больше и лучше, чем кто-либо в этом бренном мире. Правда, минуту назад я понял, что не в силах постичь еще один секрет, но может быть, вы поможете мне его открыть? Когда-нибудь?..

Памела мало что поняла из энергичной речи, но мощный напор ученого доктора в облике великолепного мужчины в элегантном костюме, не затруднившегося явиться в такую даль по такой погоде ради ее секретов, растопил сердце юной фермерши менее чем за минуту.

Уяснив, что дело на мази, вместо деловых расспросов Флендер принялся весело рассказывать, как вытаскивал машину из грязи, заехав поначалу в какие-то дебри. В доказательство он скинул пиджак, и Памела ужаснулась, увидев до предела испачканную рубашку (Флендер между тем доверительно сообщил, что ботинки, носки и брюки он предварительно снимал, а прежде чем надеть, долго оттирал грязь гигиеническими салфетками).

Девушка растерянно предложила гостю воспользоваться рубашкой покойного отца. Флендер скорбно сжал губы, покачал головой, принес глубочайшие соболезнования и объявил,

что не имеет никакого права посягать на имущество дорогого мистера Кроу, а рубашку, в конце концов, он сменит и дома – секреты стирки довелось изучить поневоле.

Искося глянув на Памелу, Джеймс Флендер заметил, какое впечатление произвели на нее откровения одинокого неухоженного холостяка, и понял, что почва достаточно унавожена и пора сеять семена. Тем более что каждую минуту могли нагрянуть новые собственники. Он попросил Памелу провести его в дом и кинулся в машину за папками с необходимыми документами.

Секретные переговоры между доктором Джеймсом Флендером и хозяйкой фермы «Ройял-Джордж» Памелой Кроу прошли без лишней задержки. И к тому моменту, когда в условленное время у ворот усадьбы высадился десант из представителей концерна «Великий млечный путь», не осталось ни следа ни от дорогой машины, ни от того, кто на ней приехал, ни главного секрета – толстых тетрадей, с подневными записями Памелы Кроу, куда трудолюбивая девушка, по требованию пунктуального отца, регулярно заносила все нюансы рациона кормления, позволявшие достигать удивительные свойства местного молока.

Продажа фермы в другие руки не ухудшила качество продукции: ведь Памела честно рассказала новым хозяевам все, что знала и умела. Но никто не мог предполагать, а тем более требовать с нее каких-либо записей. Она и не сказала о них. И тем более никто не мог знать, на каких условиях согласилась Памела Кроу отдать заветные записи внезапно явившемуся невесте откуда незнакомцу. И никто так и не узнал, что эта сделка не стоила Джеймсу Флендеру ни цента.

Оплатой стала лишь гарантия мистера Флендера, что в его лаборатории Памела Кроу станет самой важной персоной, на какое бы место она ни претендовала.

Еще накануне вечером в радужном ожидании приличной суммы за продажу фермы юная наследница неуверенно выбирала между виллой на Багамах и домом Джона Каслвуда в Дорчелле. Но стремительно несущийся по дороге к Эйбивиллу автомобиль заключал в себе не только хозяина лаборатории и новое открытие, гарантированное записями юной хозяйки фермы, но и написанное от руки на клочке бумаги личное заявление мисс Памелы Кроу с просьбой о приеме на работу в одну из лабораторий знаменитого Исследовательского центра в городе Эйбивилл.

Никто и не мог узнать об этой сделке. Уста мисс Кроу сковала самая надежная из печатей: прощальный поцелуй сильного, смелого, ласкового мужчины, любящего ее Джеймса Флендера.

6

Ослепительно яркое утро, которым встретил Памелу Эйбивилл, сразу показалось счастливой приметой. Она вышла из здания аэропорта, остановилась на краю тротуара, жадно вдыхая незнакомые городские запахи, полюбовалась непривычными пейзажами, растерянно поозиралась по сторонам и принялась выбирать, в какое такси лучше сесть, чтобы добраться до Центра, адрес которого выучила наизусть.

Но тут ее окликнул мистер Джеймс Флендер собственной персоной. Он явился на встречу долгожданной сотрудницы в очередном идеальном костюме, с букетом роз и жизнерадостной улыбкой.

– Я немного задержался, все не мог выбрать лучшую рубашку и достойные тебя цветы... О, Памела! Ты великолепна! – воскликнул Джеймс, целуя девушку одновременно с вручением букета.

– Правда? – зарумянилась Памела. – Это я по журналу мод оделась. Прямо с ним пришла в городской супермаркет и прошлась по всем бутикам, а потом...

– Ты мне очень подробно расскажешь, что было потом, – прервал ее Джеймс, быстро взглянув на часы. – После того, как я устрою тебя на жилье и на работу, о'кей?

Памела радостно закивала, готовая согласиться с любым предложением.

Тот день прошел для нее как в тумане. Машинально следуя за Джеймсом, она не запомнила ни лиц, ни имен сотрудников, ни своего рабочего места, не взглянула на рабочую инструкцию, не глядя подписала все требуемые документы, и лишь наступивший вечер, в который Флендер щедро отдал себя в ее распоряжение до утра, принес осознание полного, вечного счастья.

Это и было главной наградой, которую вправе была ожидать наследница секретов «Ройял-Джорджа». Никакие прежние мечты не могли идти ни в какое сравнение с тем миром, который открылся в холостяцкой спальне человека, так неожиданно и властно изменившего ее жизнь. И Памеле оставалось лишь радостно подчиняться этой власти.

Прежде всего, неисправимый эстет Джеймс, хорошо знавший мировую литературу, принялся обучать подопечную правильной речи. Уже через пару месяцев Памела избавилась от словечек, которыми непринужденно и привычно обходилась с раннего детства. Одновременно ей открыли секреты соблазнительного белья и научили подбирать одежду по вкусу избранника. Она освоила нюансы духов, в аромате которых Джеймс предпочитал наслаждаться женской красотой. Такой же смысленной ученицей Памела старалась показать себя и во всех других классах любовной школы, в которую ей так неожиданно довелось поступить.

А лучшим учителем стала сама любовь. Девушка, еще за год до этого мало думавшая о том, в чем состоит главная прелесть отношений между мужчиной и женщиной, теперь что ни день, становилась все ярче, изобретательнее, неутомимее в ночных играх и под похвалами приятно удивленного друга расцветала все сильнее, становилась все краше.

На работе, вспоминая отдельные мгновения минувшей ночи, она невольно краснела и кусала губы, чтобы сдержать радостную и счастливую улыбку, более чем неуместную в сдержанно звучащем вокруг деловом служебном гудении. Не только минуты страсти, но и все другие стороны жизни избранника стали средоточием ее мыслей, чувств, ожиданий, действий. Она различала походку Джеймса, едва он ступал в коридор, и оборачивала лицо к открывавшейся двери, всегда точно угадывая, в каком настроении вошел любимый.

Если Джеймс после работы выходил из кабинета, громко хлопнув дверью, то это служило сигналом к самым тонким умиротворяющим действиям, и Памела скоро изучила всю гамму слов и интонаций, которыми удавалось вернуть возлюбленного в бодрое, ласковое настроение.

Если же и это не удавалось, в ход шли более сильные приемы: молчание, беспрекословное послушание и особо изощренные ласки и любовные развлечения.

И когда Джеймс, привычно похвалив усердную подругу, наконец мирно засыпал, она улыбалась, слушая раздававшееся рядом похрапывание и необычайно гордясь своим искусством соблазнительницы. В эти минуты она ощущала себя властительницей мира... Но наступало утро – и она вновь становилась самой послушной рабыней на свете, готовой к исполнению любых капризов и пожеланий своего господина.

В этом самозабвении Памела провела весь год службы в лаборатории Джеймса Флендера. Обязанности ее сперва были просты: помыть пробирки, снять показания, занести в журнал. Флендер громко выражал удивление скоростью, с которой новая подопечная овладевала секретами работы.

– Наконец-то у меня появилась достойная помощница! – громко провозгласил он, представляя Памелу сотрудникам. – Я уверен, она справится с любой работой! Ну, а то, что не хватает образования, – не беда: с вашим умом и талантами, мисс Кроу, вы мигом одолеете любой колледж! А то еще и докторантуру, как мисс Рекордс, например!

Пожилая толстая мисс Рекордс кокетливо захихикала и одобрительно закивала лаборантке. И хотя было совершенно ясно, какие причины привели в храм науки новую жрицу, тем не менее все дружно делали вид, что очень рады работать со сноровистой мисс Кроу.

Правда, вскоре Памела стала чувствовать холодное отношение к себе, временами переходящее в неприязнь. Особенно резко это проявилось, когда Флендер уволил двух лаборанток, заявив, что одна Памела прекрасно заменяет собой двух лентяек. И как ни гордилась мисс Кроу такой оценкой, все же это событие неприятно царапнуло ее душу, хотя она не могла объяснить причину.

Попытка разобраться в этом с Джеймсом также не удалась.

– А знаешь, все-таки грустно, что Эмми и Карла лишились работы, – прошептала она в ночь после этого события, виновато бодая плечо устало раскинувшегося Флендера.

Поглаживая ее по бедру, Джеймс, лениво глядя в потолок роскошной спальни, объяснил несмышленной подруге, что все дело в элементарной ревности двух неудачливых конкуренток и завистниц, отставных фавориток.

– Эмми, видишь ли, считала, что с меня хватит и Карлы. У них был такой, знаешь, женский паритет.

– Паритет? Это что-то нехорошее? Заразное?

Джеймс умиленно рассмеялся:

– Да нет, это не болезнь. Ну, равновесие, попросту говоря. Пока тебя не было, девушки мирно делили меня между собой, честно, по очереди.

– А у тебя с ними что-нибудь было? – Памела настороженно подняла голову.

Флендер взглянул на нее с нескрываемым удивлением:

– Ну, а как ты думаешь, дорогая? Все новые сотрудницы проходят мой личный кастинг! И ничего против не имеют!

Он засмеялся и попытался притянуть девушку к себе. Она резко отстранилась и села рядом.

– Что, прямо здесь? На этой самой постели? Фу!

Флендер плотно обхватил ее за талию и не дал соскочить на пол.

– Милая моя, – внушительно произнес он. – Я никогда, ни разу не говорил, что ты у меня первая.

– И не последняя, как понимаю, – мрачно ответила Памела, пытаясь вырваться. – Да, я же тебе не жена.

– Там, на ферме, об этом, как я помню, не было и речи, – осторожно и веско произнес Джеймс. – Впрочем, я тебя не держу, ты свободна, как была свободна всегда. – И убрал руку.

Памела опустила голову.

– Я была глупа. А ты...

– В двадцать пять лет девушка должна понимать, на что она идет, отдаваясь человеку после получасового разговора, – проговорил Джеймс и ласково прошептал губами по спине Памелы. – У тебя стан виолончели. Я люблю тебя, милая. Иди ко мне, все хорошо. И будет хорошо.

– Ты женишься на мне? – с тоской спросила Памела, поворачиваясь к нему и обвивая шею руками. – Женишься? Когда-нибудь?

Джеймс не отвечал, закрыв ей рот поцелуем. Когда оба снова лежали рядом, он поглядел на затихшую девушку, на ее скорбно сжатые губы – и ласково произнес:

– Я очень люблю тебя. Все может быть. Знаешь... давай вернемся к этому вопросу тогда, когда наше будущее принесет первые плоды.

– Какие плоды? – открыла глаза Памела. – Я охотно рожу тебе кого угодно, сколько угодно, когда угодно!

– Нет, крошка, – засмеялся Флендер. – Пока что речь идет о проекте новой добавки. Ты ведь знаешь, все зависит от того, насколько успешно мне удастся применить те технологии, которые я создал по твоим драгоценным записям. Если мы сумеем выиграть грант, я разверну исследовательскую программу в полном объеме, а полученный результат станет финансовым фундаментом нашего с тобой будущего. И тогда мы поженимся, наверняка. Поняла, глупышка?

Памела послушно закивала и бурно кинулась ему на грудь, равно готовая и на любовные, и на трудовые подвиги.

Наконец настал день, когда Флендер, в тысячный раз проверяя и анализируя накопленные данные, мог сказать себе с полной уверенностью, что создана основа для более масштабной программы исследований, под которую можно уверенно требовать правительственный грант. И со всей мощью достигнутого научного и коммерческого авторитета он кинулся в конкурсные перипетии.

Однако борьба оказалась сложнее, чем поначалу казалось. Ни один частный исследователь не мог доселе конкурировать с медицинскими концернами, уверенно впившимися мощными лапами в государственную кормушку. О дерзости и авторитете доктора Джеймса Флендера, как ни говори, шумели только узкие научные круги. Теперь же следовало заявить о себе на всю страну.

Но риск был велик. В случае неудачи та же научная среда миготом отреагирует на шумно опозорившегося нахала, и репутация его будет навеки испорчена, а с нею и прочие деловые перспективы.

Помимо этого, поведение Памелы – прекрасной, преданной, надежной, безотказной помощницы, любовницы, коллеги и просто милой женщины – внезапно стало ощущаться проблемой. Как заноза, которую не можешь вытащить.

С каждым месяцем становилось все яснее, что свое будущее милая женщина видит исключительно под именем миссис Флендер. Это исключало, разумеется, дальнейшие кастинги и приятные дополнения к утомительным конференциям. Пока что ее услуги вполне устраивали Флендера, но проводить ночь за ночью с одной и той же женщиной он не привык. И все мрачнее рисовалась перспектива унылой пожизненной верности.

Флендеру было не впервой представлять перед лицом особы, имеющей на него виды. Многочисленная и разнообразная практика, умноженная на дьявольскую изобретательность, позволила разработать гибкие тактические ходы на все случаи жизни. Кого-то удавалось отшить прямым отпором, с кем-то требовалась деликатная тонкая работа, и Джеймс не без удовольствия оценивал виртуозность защиты своей драгоценной мужской свободы.

Особенно удачным оказался ход с одновременным увольнением двух соперниц, Эмми и Карлы, – как раз тогда, когда они, посчитав, что хозяин стал, наконец, кроток как овечка,

собирались корпоративно потребовать повышения зарплаты. И придраться было не к чему: беспощадные условия существования частной лаборатории требовали беспощадной финансовой экономии. Так или иначе, все подобные случаи заканчивались благополучно, порой даже удавалось остаться друзьями и коллегами. С Памелой складывалось по-иному. Соответственно требовалось разработать новую технологию.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.